

Анна Шилд
Ада Огнева

В фокусе
МАЖОРА

**Ада Огнева
Анна Шилд
В фокусе мажора**

<https://litres.ru/74515613>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кира Романова привыкла снимать правду, даже когда она выглядит непрезентабельно. Одна вспышка в сторону Тимура Заславского втягивает фотографа в историю со спором на дорогой спортбайк, тридцатью днями и чужой гордостью. Тимур получает всё, чего хочет. Кира не собирается становиться очередным трофеем. Её камера замечает слишком многое, его провокации всё чаще попадают в цель, а за безупречной маской мажора обнаруживается человек, от которого трудно отвернуться. Только у этой игры есть условия, не попавшие в кадр. И однажды их придётся показать без ретуши.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	47
Глава 7	56
Глава 8	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Анна Шилд

В фокусе мажора

В фокусе мажора

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Ледяной ноябрьский ветер с поймы Москвы-реки хлестал по лицу мелкими колючими брызгами. На открытом седьмом ярусе недостроенного многоуровневого паркинга в промзоне Южного порта царил настоящий собачий холод. Бетонные плиты гудели под ногами от пронизывающего речного сквозняка, в пустых лифтовых колодцах протяжно завывал воздух, а под подошвами моих стоптанных армейских ботинок со сбитыми носами с сухим шорохом перекачивалась мелкая гравийная крошка вперемешку с застывшей строительной пылью и крошечным битого кирпича.

Я глубже натянула капюшон огромного черного худи, спрятав озябшие уши, и потерла ладони под растянутой кожаной косухой. На груди мерно покачивался мой главный союзник, защитник и единственный надежный инструмент — пленочный механический зверь Nikon FM2 на широком армейском ремне.

Литой корпус охлаждал грудь даже через плотный хлопковый трикотаж. Этот тяжелый черный кирпич с потертыми до золотистой латуни углами весил почти килограмм вместе со светосильным стеклом в пятьдесят миллиметров и светосилой один и четыре. Батарейки питали экспонометр, а затвор работал на чистой механике. Даже если огоньки в видоискателе гасли от холода, я могла выставить выдержку и снять

кадр. На морозе это стоило дороже любого экранчика. Латунные шестеренки, титановые шторки затвора с микроскопическим сотовым тиснением и верный человеческий глаз.

Внутри аппарата ждала своего часа свежая кассета черно-белой пленки чувствительностью четырехста единиц. Тридцать шесть кадров. Ровно тридцать шесть коротких щелчков, из которых каждый обязан был стать точным попаданием в яблочко. Мои знакомые мальчишки с новомодными цифровыми зеркалками поливали мир вокруг длинными пулеметными очередями, щелкая за один вечер по две тысячи пустых глянцевых картинок, чтобы потом до утра выгребать из корзины хоть что-то живое. Я презирала эту суету.

Пленка дисциплинирует мысль, ставит дыхание и учит терпению. Отец всегда повторял мне в нашей темной лаборатории на Чистых прудах, когда учил разводить проявитель — нажимай на спуск только тогда, когда кадр начинает жечь тебе пальцы изнутри. Мой отец отдал тридцать лет репортажной съемке в столичных газетах, прошел через горячие точки и заводские цеха, таская на шее два таких же тяжелых железных корпуса. Этот самый аппарат он привез еще в девяностые годы из командировки, купив его с рук у старого немецкого фоторепортера. Отец берег его пуше глаза, вычищал кисточкой каждую пылинку из шахты зеркала и передал мне перед смертью вместе с ключами от нашей скрипучей комнаты в коммуналке на Покровке. Он оставил мне шкафы, забитые реактивами и увеличителями, свою упрямую

челюсть и понимание простой истины — настоящая правда никогда не бывает прилизанной и гладкой. Когда у тебя в запасе всего три десятка попыток, ты не давишь на кнопку попусту. Ты ждешь, выверяешь композицию и бьешь наверняка, точно зная цену каждому спуску затвора.

Добраться сюда сквозь ночную осеннюю Москву оказалось целым отдельным испытанием. Слухи о закрытом нелегальном сборе столичных дрифтеров просочились ко мне через знакомых граффитчиков с Курской еще в четверг вечером. Паркинг в Южном порту давно пользовался дурной славой среди патрульных экипажей — огромное семиэтажное железобетонное чудовище на самом краю промышленной зоны стояло заброшенным уже третий год, скрытое глухими заборами складов, ржавыми причальными кранами и темной маслянистой рябью Кожуховского затона.

Я тряслась в полупустом вагоне метро до самой конечной станции, сжимая рюкзак с запасными кассетами и придерживая локтем тяжелую косуху. За темными стеклами поезда мелькали унылые осенние платформы, пассажиры кутались в шарфы и прятали глаза в экраны телефонов. От станции пришлось месить ледяную кашу по пустынным подъездным путям, огибая глухие бетонные заборы с мотками колючей проволоки и слушая далекий злой лай бродячих псов. Речной туман висел над мокрым асфальтом плотной ватой, скрывая верхушки портовых порталных кранов и трубы ТЭЦ. На въезде в промзону меня едва не обдало вее-

ром грязных брызг — мимо на глухом рычании пронеслись два низких японских спорткара с каркасами безопасности в салоне. Я успела нырнуть за ржавый остов грузового контейнера, проводив взглядом свет их задних диодных фонарей.

Охрану на нижнем въезде удалось обойти без малейшего шума. Пожилой охранник в выцветшем камуфляжном бушлате грелся в остекленной сторожке у раскаленного электрического рефлектора, прихлебывая чай из термоса под бормотание старого радиоприемника. Охранник явно получал свою долю за невмешательство в ночные забавы золотой молодежи и не собирался высовывать нос на мороз. Я проскользнула вдоль бетонных блоков, нырнула в темный проем пожарного выхода и поднялась по щербатым ступенькам на самый верх, аккуратно перешагивая через битое стекло и считая этажи в гулкой темноте. Каждый лестничный марш отдавался протяжным эхом, но шум приближающихся моторов наверху глушил любые мелкие шорохи.

Оказавшись на открытом седьмом ярусе, я сразу ушла в спасительную тень за массивную вытяжную вентиляционную будку лифтовой шахты. Отсюда вся центральная площадка просматривалась от края до края. Верхний этаж строители успели залить ровным промышленным бетоном, превратив его в идеальный закрытый трек для избранных. По периметру стояли зрители — пара десятков молодых мужчин в дизайнерских дутых жилетах и брендовых куртках, стайка длинноногих девиц в коротких норковых полушубках

и на тонких каблуках, явно пожалевших о выборе обуви на морозном продуваемом ветру, и несколько парней с пластиковыми стаканами в руках.

Воздух был пропитан терпким ароматом элитного трубочного табака, запахом дорогого коньяка, машинным маслом и сыростью реки. Чуть в стороне за переносными ограждениями выстроились в ряд спортивные автомобили — заряженные Порше, матовые БМВ, низкие японские купе с хищными карбоновыми антикрыльями. Их полированные борта отражали желтые огни мощных галогенных ламп, расставленных по углам импровизированного трека от переносного генератора, тарахтевшего в углу.

В качестве разогрева на середину площадки выкатились две машины — канареечно-желтый седан БМВ и темно-синее купе Порше. Водители устроили короткую показательную дуэль, с визгом срывая задние колеса в пробуксовку и вычерчивая перекрестные восьмерки вокруг колонн. Моторы визжали на высоких оборотах, толпа свистела, а девушки хлопали в ладоши, пританцовывая на холодном бетоне. Я вскинула Nikon, поймав в видоискатель желтое крыло БМВ, но спуск нажимать не стала. Это было красиво, эффектно, однако в этом кружении не чувствовалось подлинного нерва, только сытое баловство богатых мальчиков с дорогими игрушками.

Зрители вокруг переговаривались, передавая друг другу плоские серебряные фляжки и обсуждая главного участника

заезда. Все взгляды то и дело обращались к въездному пандусу.

— Заславский сегодня на новом обвесе пойдет, — долетел до меня обрывок разговора двух парней в одинаковых черных бомберах. — Говорят, турбины раскачали до семисот сил. Если он здесь чисто пройдет вираж у отбойника, Руслан отдаст ему кубок без заезда.

— Зато на байк Тимура облизывается, — усмехнулся второй, затягиваясь сигаретой. — Вокруг его Панигале кругами ходит, как кот вокруг сметаны. Заславский пока даже ключи ему подержать не дал.

Внезапно снизу, из темного жерла винтового пандуса, раздался утробный металлический бас. Звук нарастал стремительно, заставляя вибрировать массивные бетонные перекрытия. Пол мелко задрожал под моими ботинками, отдаваясь в коленях тугой дрожью. Эхо метнулось по этажам, и в следующий миг на открытую площадку яруса с яростным ревом вылетело темно-графитовое спортивное купе с хищным углепластиковым обвесом.

Машина двигалась с невероятной, пугающей грацией дикого зверя. Водитель даже не подумал сбросить скорость перед крутым радиусом въезда. Напротив, он с резким свистом раскрутил турбины и бросил полутонатонный снаряд в управляемый занос на скорости под сотню километров в час.

Широкие низкопрофильные покрышки со скрежетом вгрызлись в холодный бетон. Из-под колес полыхнул насто-

ящий сноп оранжевых раскаленных искр, когда задний карбоновый диффузор прошел буквально в спичечном коробке от края металлического отбойника. Машину развернуло поперек площадки, и она понеслась по широкой дуге, окутанная плотными клубами сизого удушливого дыма.

Запах жженой синтетической резины и высокооктанового бензина мгновенно заполнил ярус, вытеснив речную сырость. Зрители вдоль стен взорвались восторженным ревом и аплодисментами. Я затаила дыхание. Пальцы в тонких шерстяных митенках привычно легли на холодный корпус аппарата. Я вскинула тяжелый видеоискатель к правому глазу, уперев металлическую рамку в бровь. Рифленое кольцо фокусировки подалось с упругим бархатным сопротивлением. В круглой оптической рамке с клиньями Додена мелькнули оскал радиаторной решетки, сполохи галогена на полированном капоте и темный силуэт человека за рулем.

Курок взвода провернулся с сухим звонким щелчком. Палец коснулся спусковой кнопки.

Шторка отсекла одну пятисотую секунды с хлестким коротким хлопком. Зеркало взлетело и вернулось на место с легкой отдачей в ладонь. Первый кадр ушел в копилку.

Спорткар совершил резкую перекладку, вильнув кормой, и ушел в глубокий обратный вираж. Траектория скольжения выглядела безупречной геометрической дугой. Водитель держал машину на тонкой грани срыва с такой наглой уверенностью, будто законы физики были написаны исключи-

тельно для его личного развлечения. В его движениях сквозило абсолютное хладнокровие. Парень за рулем точно чувствовал каждый миллиметр сцепления колес с мокрым бетонным полом.

Я щелкала затвором почти непрерывно, ведя тяжелый объектив за стремительным танцем углепластика и раскаленного железа. Взвод, фокус, спуск. Взвод, фокус, спуск. Счетчик кадров в маленьком круглом окошке на верхней панели мерно отсчитывал мою добычу — восемь, девять, десять, одиннадцать. На матовой целлулоидной ленте навсегда отпечатывались летящие ошметки резиновой стружки, яркие всполохи синего выхлопного пламени и натянутые нервы этой ночной гонки.

Финальным аккордом стал круговой разворот на триста шестьдесят градусов вокруг центрального столба. Машина кружила на пяточке, выжигая на бетоне смоляные круги, пока толпа орала от восторга и снимала видео на светящиеся экраны смартфонов. Затем мотор глухо рыкнул и перешел на мерное сытое бормотание холостых оборотов.

Купе замерло ровно в центре освещенного пяточка.

Водительская дверь поднялась вверх и вбок. Из салона в морозную мглу вырвалась волна сухого тепла, неся с собой шлейф элитного мужского парфюма — ноты сандалового дерева, терпкой корицы и горьковатого бергамота.

На мокрый бетон ступил Тимур Заславский.

Глава 2

Его лицо я знала наизусть. Городские таблоиды, ресторанные хроники и светские паблики крутили эту холеную физиономию без перерыва. Наследник солидного строительного клана, виртуозный любитель скорости, владелец нескольких модных заведений в центре столицы и любимец светских репортеров. Ему было около двадцати восьми, и весь его вид излучал ту спокойную, надменную сытость, которая появляется только у людей, никогда в жизни не считавших копейки на проезд.

На Заславском была расстегнутая песочная куртка из мягкой замши, тонкий кашемировый джемпер молочного оттенка и белоснежные кеды, выглядевшие форменным издевательством среди мазутных луж паркинга. Тимур небрежно встряхнул головой, откинув со лба прядь темных волос, и ленивым жестом фокусника закрутил на указательном пальце массивный брелок с ключами от купе.

К нему сразу бросилась восторженная компания. Приятели хлопали его по плечам, девушки протягивали бокалы с золотистым игристым вином. Заславский принимал эти знаки внимания с привычной снисходительностью хозяина положения. На его губах играла легкая хищная улыбка человека, привыкшего побеждать везде и во всем.

Я прижалась плечом к холодной кладке вентиляционной

шахты и сквозь прутья ограждения поймала его лицо в перекрестье объектива.

В видеоискателе отчетливо проступили его насмешливые прищуренные глаза, породистый нос с легкой горбинкой и та самодовольная поза превосходства, от которой у меня внутри всегда вскипало яростное сопротивление.

— Покрасуйся, павлиний принц, — тихо прошептала я, взводя затвор. — Столько спеси на пустом месте, будто лично спас человечество, а всего лишь укатал в пыль комплект дорогой резины.

Палец нажал на спуск. Зеркало хлопнуло с сухим металлическим звоном.

Я сделала три крупных портретных снимка, поймав эту лощеную сытую маску в самый пик его триумфа. Кадры получались жесткими, резкими, фактурными. Настоящая документальная хроника золотого столичного мирка, в которой не оставалось места приторному глянцу.

Свет прожекторов в центре площадки давал слишком ровные плоские тени. Чтобы раскрыть фактуру глубже, требовался острый боковой рисунок. Я опустила камеру на грудь, придержала ее ладонью и мягким скользящим шагом направилась вдоль стены к дальнему углу площадки, где у высокого бетонного парапета лежал глубокий выразительный контровой свет.

У дальнего угла парапета ветер гулял с утроенной яростью, швыряя в лицо горсти ледяной пыли. Далеко внизу мерцали огни грузовых причалов, темная вода затона казалась густой застывшей смолой, а редкие фонари на далекой набережной чертили по мокрому асфальту длинные желтые

дорожки. Где-то у самого горизонта угадывались смутные силуэты высоток Варшавского шоссе, подсвеченные красными габаритными огнями. Огромный город жил своей привычной ночной жизнью, совершенно равнодушный к нашим опасным играм на высоте.

Я встала боком к бетонному ограждению, проверила пальцем кольцо диафрагмы на объективе и приготовилась поймать Заславского в лучах контрового прожектора, когда он направится обратно к своему спорткару. С этой точки перспектива выстраивалась безупречно — силуэт машины на переднем плане, рваные клубы рассеивающегося дыма и фигура победителя, залитая жестким белым светом со спины.

Около входа во временную остекленную ложу переминались с ноги на ногу двое официантов в тонких черных куртках поверх форменных жилетов. Парни откровенно зябли на ветру, держа в руках серебряные подносы с пустыми фужерами. Изнутри ложи доносились звуки модной клубной музыки и пьяные раскатистые выкрики. Там грелись те, кто считал открытый продуваемый ярус слишком суровым местом для своего драгоценного здоровья.

Сквозь остекление вип-ложи были видны мягкие кожаные кресла, низкие столики, уставленные бутылками элитного шампанского, и вспыхивающие огоньки золотых зажигалок. Золотая столичная элита праздновала пятничный вечер с привычным бездумным размахом. Вдруг внутри ложи началось какое-то нервное движение. Мужской силуэт в стро-

гом пиджаке резко отшатнулся назад, чья-то тонкая рука с размаху оттолкнула официанта, фужеры на подносе со звоном покачнулись, и тяжелая дверь с глухим треском распахнулась от яростного удара каблука.

На продуваемую площадку паркинга вывалилась фигура в светлом полушубке.

Это была Снежана. Дочь одного из самых влиятельных чиновников городской администрации и ключевого генерального инвестора ресторанных проектов Заславского. Ее лицо с завидной регулярностью мелькало на глянцевых обложках столичных таблоидов рядом с Тимуром, создавая для доверчивой публики иллюзию безупречного светского союза.

Сейчас в этом союзе не осталось ни капли светского лоска. На Снежане был сползший с обнаженного плеча леопардовый полушубок, ультракороткое шелковое платье цвета мокрого асфальта и тонкие лакированные туфли на головокружительных двенадцатисантиметровых шпильках, на которых она с видимым трудом удерживала равновесие на щербатом бетоне. Длинные высветленные волосы растрепались от порывов ветра, а тушь под правым глазом потекла черным ручейком.

От нее даже через разделявшие нас десять метров долетел удушливый коктейль запахов — сладкий вишневый ликер, клубничный пар вейпа и тяжелые духи с приторной мускусной нотой. В правой руке она сжимала хрустальный бокал с шампанским, расплескивая золотистую пену прямо на свои

открытые щиколотки.

— Заславский! Ты скотина! — ее визгливый голос разрезал ночную тишину, заглушив урчание моторов и смех зрителей. — Ты обещал, что мы уедем сразу после первого заезда! Почему я должна торчать в этой дурацкой стеклянной банке и смотреть, как вокруг тебя крутятся эти дешевые девки?

Зрители у парапета притихли. Кто-то прыснул в кулак, пара парней заговорщицки переглянулись, доставая сигареты. Публика обожала подобные скандальные сцены среди сильных мира сего. Ничто так не радует праздных мажоров, как скандал в рядах их собственных признанных кумиров.

Снежана споткнулась, взмахнула руками, и тонкий бокал со звоном ударился о бетонную плиту, разлетевшись на сотни сверкающих брызг. Девушка даже не взглянула под ноги. С искаженным от пьяной ярости лицом она сделала несколько неверных шагов и с размаху повисла на шее Тимура, едва не сбив его с ног своим весом.

Лицо Заславского окаменело в одно мгновение. Вся светская расслабленность слетела с него, уступив место тяжелой холодной злости. Он попытался перехватить ее униженные кольцами пальцы, но Снежана вцепилась в него мертвой хваткой, пачкая густой темно-бордовой помадой белоснежный воротник его кашемирового джемпера.

— Снежана, прекрати этот балаган, — процедил Тимур сквозь зубы, стараясь говорить негромко, но в его низком

голосе отчетливо звенел тугой металл. — Сядь в машину. Хватит позориться перед всеми.

— Не смей мне указывать! — взвизгнула она, замахиваясь узкой ладонью с хищным маникюром, намереваясь вклепить ему пощечину на глазах у замершей публики. — Мой отец выбил тебе это чертово историческое здание на Патриарших под твой флагманский ресторан! Он подписал все разрешения и дал тебе льготные городские кредиты! А ты смеешь бросать меня ради своих железок? Ты без нашей семьи просто наглый мальчик с красивой машинкой! Я потребую, чтобы отец завтра же отозвал все согласования, и ты вылетишь из ресторанного бизнеса с треском!

Тимур среагировал молниеносно, с жесткой точностью опытного бойца. Он перехватил оба ее тонких запястья одной широкой ладонью, выкрутил их вниз, развернул быющуюся в истерике девушку вокруг оси и с силой впечатал ее спиной в теплый капот своего спорткара. Нависнув сверху всем телом, он буквально прижал ее к металлу, перекрывая любую возможность вырваться или ударить.

В резких безжалостных лучах галогенных ламп эта сцена выглядела чудовищно. Со стороны это походило на чистое уголовное насилие — агрессивный зарвавшийся мажор посреди ночной стоянки грубо заламывает руки плачущей девушке, вжимая ее в капот дорогой иномарки.

Мой палец среагировал быстрее рассудка. Профессиональный рефлекс репортажного фотографа взял верх над

осторожностью и инстинктом самосохранения.

Я вскинула Никон к лицу, выкрутила кольцо метража на четыре метра и поймала в оптику искаженное яростью лицо Заславского, сползший леопардовый мех, его пальцы, стиснутые на запястьях Снежаны, и рассыпанные по капоту светлые волосы.

Палец вдавил спусковую кнопку.

Закрепленная на горячем башмаке массивная импульсная вспышка издала тонкий, нарастающий писк заряженного накопителя и выстрелила в темноту ослепительным магниевым-белым разрядом невероятной мощности. На крошечную долю секунды вся крыша паркинга озарилась мертвенным полуденным светом. Тени от бетонных колонн резко метнулись по перекрытиям. Лица людей застыли белыми масками. Хлесткий удар шторы отсек мгновение. Снимок, способный в клочья разорвать репутацию Заславского и похоронить его бизнес, навсегда впечатался в серебряную эмульсию пленки.

В воздухе повисла мертвая, почти звенящая тишина. Словно электрический разряд разорвал не только темноту, но и само время. Смех смолк, бокалы застыли в руках зрителей у парапета, а охранники замерли с полуоткрытыми ртами, ошалело моргая от чудовищной вспышки. Кто-то возле ложи выругался и заслонил глаза рукавом; я уже успела взвести затвор еще раз.

Тимур вздрогнул, словно получил пулю между лопаток. Он выпустил запястья Снежаны, брезгливо передав обмяк-

шую девицу на руки двум подбежавшим охранникам в черных куртках, и резко обернулся.

Его глаза, привыкшие к полумраку, сузились до узких щелей. Он заметил фигуру в капюшоне у парапета и тяжелыми размашистыми шагами двинулся прямо на меня.

Глава 3

Охрана за его спиной засуетилась, парни переглянулись, а музыка в ложе внезапно заглохла. Заславский шел напролом, не глядя под ноги, и через пару секунд вырос передо мной высокой темной стеной. Он встал вплотную, намеренно загородив своей широкой спиной лучи прожекторов. От него пахло сандалом, дорогим табаком и концентрированной мужской яростью.

— Ты совсем с катушек слетела, пигалица? — хрипло бросил он, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. — Быстро достала флешку и отдала сюда! Ты хоть соображаешь, куда влезла и что с тобой сделают мои юристы? Тебя за этот кадр по судам затаскают так, что всю жизнь на компенсации работать будешь!

Заславский окинул меня быстрым взглядом с головы до ног — стоптанные берцы, старая потрепанная косуха, растрепанная челка под капюшоном, тяжелый старый аппарат на шее. В его глазах мелькнуло презрительное удивление сытого хищника, обнаружившего на своей территории бродячую кошку.

— Ты вообще понимаешь, сколько стоит одна секунда моего времени? — с нажимом процедил он, понизив голос. — Ты сейчас сделала снимок, который может стоить мне полугода упорного труда и сотен миллионов рублей. Одно мое

слово, и твоя ржавая погремушка полетит с этой крыши прямо в реку. Положи накопитель мне в руку, и ты уйдешь отсюда на своих двоих.

Внутри у меня все звенело от адреналина, но отступить назад к краю парапета я не собиралась. Я сдула со лба упавшую прядь, вздернула подбородок и одарила мажора взглядом, полным искренней насмешки.

— Флешку? — звонко фыркнула я, складывая руки на груди поверх висящей камеры. — Слушай, гений автодрома, твое драгоценное время стоит ровно столько, сколько ты готов заплатить за то, чтобы не выглядеть банальным уголовником в криминальных сводках. А судя по тому, как ты только что вжимал девушку в капот, ценник у твоей репутации так себе. И попробуй только тронуть мой аппарат. Он отлит из японского металла, переживет твой карбоновый спорткар втрое и весит достаточно, чтобы проломить твою самоуверенную макушку. Отойди на два метра левее. Ты мне весь горизонт своей широкой грудью перегородил. У тебя там идеальный контровой свет пропадает, а ты тут стоишь и пугаешь воробьев своим фальшивым величием.

Лицо Заславского потемнело от неслыханной наглости. На его скулах заходили желваки. Ни одна женщина в этом городе никогда в жизни не смела разговаривать с ним подобным тоном.

— Ты дура или притворяешься? — прорычал он, наклоняясь ко мне так близко, что я почувствовала горячее дыха-

ние на своих щеках. — Я считаю до трех. Отдавай карту памяти по-хорошему. Назови любую сумму, я переведу прямо сейчас. Пятьдесят тысяч? Сто тысяч рублей? Назови цену и закрой свой рот.

— Твои деньги пахнут бензином и чужими слезами, Заславский. — Я закрыла ладонью ремень у горла; он проследил за движением, и я поняла, куда он потянется. — Мой кадр не продается ни за какие подачки. Купи себе на них новую подружку, которая не будет визжать на всю Москву о твоих долгах перед ее папочкой.

— Я дважды повторять не привык, — процедил он сквозь зубы и выбросил вперед правую руку, намереваясь сдернуть широкий ремень камеры с моей шеи.

Я среагировала мгновенно. Вместо испуганного писка я вскинула тяжелую металлическую тушку Никона двумя руками точно на уровень его переносицы, целясь объективом прямо ему между глаз. Мой большой палец лег на круглую кнопку принудительной проверки заряда вспышки.

— Улыбочку, мажор, птичка вылетает!

Я вдавила кнопку до упора.

Конденсатор разрядился с сухим резким хлопком прямо в лицо Тимуру с расстояния тридцати сантиметров. Белый импульс ослепил его в упор. Заславский издал глухой стон, зажмурился и шарахнулся назад, закрывая лицо обеими ладонями.

Перед его глазами в этот миг запылало гигантское слепое пятно кислотно-зеленого и фиолетового цвета, за которым весь окружающий мир превратился в клубящийся туман. Тимур потерял ориентацию, беспомощно наткнувшись плечом на бетонное ограждение.

— Мои глаза! — захрипел он, спотыкаясь на ровном месте.

Я не стала ждать, пока к нему вернется зрение или подоспеет его охрана. Ловко поднырнув под его локоть, я прижала камеру к животу и со всех ног рванула прочь вдоль темной стены.

Пока Заславский вслепую шарил руками по воздуху и яростно матерился, натыкаясь на бетонный парапет, я ласточкой перемахнула через низкий бордюр технического перехода. Ноги в тяжелых ботинках с гулким грохотом ударили по стальным рифленным ступеням наружной пожарной лестницы.

Ледяной сырой сквозняк с реки ударил в лицо, выбивая слезы из глаз. Пульс колотил в виски тяжелым молотом. Ремень камеры врезался в шею, литой корпус объектива больно бил меня по ребрам через кожаную куртку при каждом прыжке, но я только крепче прижимала аппарат к груди обеими руками. Сверху, с седьмого яруса, донеслись яростные крики охраны и хриплый голос Тимура, приказывавшего перекрыть все этажи и поймать девчонку любой ценой.

Я летела вниз, перепрыгивая через три ступени за раз. Металлические поручни вибрировали под руками, мелкие капли конденсата делали ступени скользкими, словно натертыми салом. В открытые проемы недостроенных стен заглядывало черное сырое небо, а далеко внизу мерцали тусклые лужи у подножия здания. Шестой этаж промелькнул смазанным серым пятном, пятый остался позади. Снизу уже донолся гулкий топот тяжелых ботинок — охрана явно отпра-

вила людей на перехват по внутренней лестнице здания.

На четвертом ярусе я резко свернула с открытой площадки в темное чрево паркинга, чтобы оторваться от погони и сбить преследователей со следа.

Здесь царил густой полумрак. Редкие тусклые плафоны на потолке едва рассеивали сырую мглу, отбрасывая длинные косые тени от квадратных железобетонных опор. Вдоль стен стояли какие-то ржавые остовы старых кузовов, штабели досок и строительные бытовки. Эхо тяжелых шагов охранников гулко разносилось по пустому пространству. Позади заплескали яркие белые лучи мощных диодных фонарей, разрезая пыльный воздух и выхватывая очертания бетонных колонн.

— Первый, она ушла на четвертый этаж! — затрещала рация где-то совсем рядом за поворотом. — Перекрывайте пандусы к выезду, девка с камерой не должна уйти!

Я метнулась в глубину зала, огибая высокий штабель старых грузовых покрышек. Воздух здесь пах застоявшейся дождевой водой, ржавчиной и мазутом. Подошва правого ботинка предательски поехала по широкой маслянистой луже пролитого антифриза. Нога вылетела из-под меня, и я со всего маха полетела на щербатый бетон.

В падении я думала только об одном — спасти стеклянные линзы объектива. Я инстинктивно сжалась в комок, приняв удар на локоть и плечо, а камеру вжала в живот. Локоть обожгло тупой болью, ладонь счесало о гравийную крошку до

горячей крови, но тяжелый корпус Никона не коснулся пола ни единой гранью. Металл остался цел.

Стиснув зубы до скрипа, я вскочила на ноги. Содранная ладонь пульсировала жаром, кровь пачкала рукав худи, но времени жалеть себя не оставалось ни секунды. Я быстро проверила пальцами переднюю линзу — стекло было чистым, бленда приняла пыль на себя. Луч фонаря скользнул по стене прямо над моей головой. Я нырнула за следующую опору и скользнула к пологому автомобильному пандусу, ведущему на третий ярус.

Я преодолела еще один пролет бегом, надеясь выскочить через служебный выезд на набережную. И тут снизу, заставляя дрожать оконные переплеты и плиты пола, раздался знакомый оглушительный вой турбины.

Заславский. Этот псих уже успел проморгаться и прыгнуть за руль. Рев приблизился со стороны автомобильного пандуса: он спускался быстрее меня, обходя внутреннюю лестницу. В закрытом бетонном объеме семиэтажного паркинга рев семисотсильного мотора звучал подобно рыку разъяренного дракона. Звук метался от стены к стене, лишая возможности понять, откуда именно вылетит машина.

Широкие лучи ксеноновых фар заметались по потолку и колоннам третьего яруса, выхватывая клубы бетонной пыли. Я прижалась к шершавой опоре, затаив дыхание. Машина с ревом пролетела мимо моего укрытия, обдав волной горячего бензинового выхлопа, и устремилась вниз по спирали

пандуса, отрезая мне путь на улицу. Он шел на перехват коротким путем, зная топографию здания наизусть.

Я выскочила на второй ярус и замерла на месте.

Прямо передо мной с диким визгом заблокированной резины вылетело темно-графитовое купе. Машина вошла в поворот с глубоким боковым скольжением и встала юзом поперек узкого арочного выезда, намертво перекрыв дорогу к центральному шлагбауму. От горячих шин валил густой сизый дым, а вентиляторы радиатора были на пределе возможностей, выдувая волны горячего воздуха.

Мне в глаза ударил ослепительный дальний ксенон фар. Из выхлопных труб с сухим треском вырвались синие языки догорающего топлива. Ловушка захлопнулась с пугающей неотвратимостью. Бежать вперед было некуда — машина перекрывала прямой путь к шлагбауму.

Глава 4

Водительская дверь спорткара распахнулась с резким щелчком. На бетон шагнул Тимур Заславский.

Его веки воспалились и покраснели, зрачки сузились, он часто и нервно моргал, все еще пытаясь избавиться от пульсирующего фиолетового пятна на сетчатке. На белом джемпере темнело грязное пятно помады. Заславский тяжело дышал, его плечи ходили ходуном от бешенства, а пальцы пра-

вой руки судорожно сжимались в кулак.

— Приехали, пигалица, — низким хриплым голосом бросил он, делая шаг вперед и преграждая мне путь. — Доигралась в партизанку? Кто тебя нанял? Руслан? Это он тебя подослал, чтобы сорвать мне сделку по ресторану?

Я стояла перед ревущим радиатором в лучах его фар. Вся усталость, боль в разбитой ладони и холод ночи отступили, уступив место пьянящему, веселому куражу.

— Руслан? — я искренне удивилась, пожав плечами. — Какой еще Руслан? Твой дружок на мотоцикле? Да сдались вы мне оба со своими песочницами и машинками. Я снимаю живую ночную Москву для своего портфолио, а не ваши убогие клубные разборки.

Заславский сделал еще шаг, сокращая дистанцию. Его взгляд скользнул по моей содранной руке, но сочувствия в нем не появилось ни на грош.

— Мне плевать, для чего ты снимаешь, — отрезал он, впевнив в меня горящий взгляд. — Ты не выйдешь отсюда с этим компроматом. Отдай карту памяти прямо сейчас. Я заплачу любую сумму, которую ты назовешь. Сто тысяч? Триста? Пятьсот? Назови цифру, положи флешку на капот и катись на все четыре стороны!

Этот сытый баловень судьбы искренне верил, что любая проблема в этом мире решается переводом с банковского счета за пару секунд.

В ушах звенело от бешеного грохота выхлопной системы.

Заславский стоял прямо передо мной, впериw в меня воспаленный, горящий взгляд. В свете ксеноновых ламп было видно, как подергивается его правое веко. Световой импульс вспышки все еще давал о себе знать, заставляя его морщиться от малейшего блика.

— Ты хоть представляешь, кто я такой? — сдавленно прорычал он, делая еще шаг вперед и пытаясь давить на меня всем своим ростом и авторитетом. — Одно мое слово, и тебя с твоей железкой вышвырнут из любого приличного места в этом городе. Мои адвокаты снимут с тебя последнюю рубашку.

— Твои адвокаты сначала пусть снимут помаду с твоего кашемира, Заславский, — хмыкнула я, демонстративно поправляя ремень камеры на плече. — Выглядишь потрясающе для светской хроники. Хозяин модных ресторанов и повелитель парковок в слезах и чужих поцелуях. Прямо готовый материал для полосы скандалов.

— Ты не посмеешь, — глухо бросил он, сужая покрасневшие глаза.

— Попробуй проверь, — улыбнулась я самой беззаботной из своих улыбок.

Я медленно расправила плечи, вскинула правую руку к аппарату и с громким, весомым клацаньем взвела металлический курок затвора. Звук взведенной механики прозвучал в гулком бетонном ярусе подобно щелчку оружейного затвора.

— Карту памяти, гений автопрома? — я рассмеялась ему

прямо в лицо звонким заливистым смехом, качая головой. — Ты вообще хоть раз в жизни видел настоящий механический аппарат? Внутри стоит металлическая катушка и целлулоидная лента с кристаллами галогенидов серебра! Ее запрягают в бачок руками в крошечной тьме и купают в кислом вонючем фиксаже! Какая флешка, мажор? Сходи на экскурсию в политехнический музей, пусть тебе экскурсовод покажет, как устроен мир без интернета и папиных золотых карточек!

Лицо Заславского вытянулось. Его холеный мозг, привыкший к облачным серверам, мгновенным транзакциям и удалению файлов нажатием одной кнопки на смартфоне, намертво завис перед этой архаичной реальностью. Он смотрел на черный литой корпус моего Никона так, словно я держала в руках кремниевый топор эпохи палеолита.

— Что ты несешь? — растерянно выдавил он, проморгавшись. — Какая еще лента?

— Обыкновенная, тридцать пять миллиметров шириной, — усмехнулась я. — На ней сейчас намертво впечатано твое благородное личико, ломающее руки дочке чиновника. И стереть ее нажатием пальца не выйдет. Ее невозможно удалить через вайфай или хакерскую программу. Ее можно только сжечь вместе со мной.

Это мгновение его полного ступора решило все дело.

Пока Тимур переваривал услышанное, пытаясь осознать, как работает физический негатив, я резко присела, про-

скользнула между ним и передним крылом купе и на прощание звонко хлопнула ладонью по полированному капоту.

— Эй! Стой! — запоздало рявкнул он, бросаясь следом.

Но я уже нырнула в темную нишу за пожарным шкафом гидранта.

Там, за бетонной опорой, прятался аварийный лаз — старая ржавая сетка-рабица была кем-то заранее отогнута снизу, образуя узкий проем над крутым земляным склоном.

Я протиснулась в щель, чувствуя, как острая стальная проволока с противным треском распарывает рукав моей старой косухи. Главное было уберечь камеру — я прижала Никон к ребрам и кубарем скатилась по мокрому глинистому откосу прямо в холодную сырую траву за пределами охраняемого периметра паркинга.

Позади, на втором этаже стоянки, раздался глухой, полный ярости удар кулака по капоту спорткара и отборный столичный мат Заславского, заглушивший вой остывающих турбин.

Я поднялась на ноги, отряхнула мокрые колени, вытерла кровь с разбитой ладони о край худи и сдула с глаз челку. Холодная глина чавкала под подошвами моих ботинок, колючие стебли прошлогоднего репейника цеплялись за штанины, но я не сбавляла шага. Воздух с реки пах мокрым песком, прелыми водорослями и ночной свободой. В разбитой ладони пульсировала живая, острая боль, напоминая о каждом шаге этой безумной ночи, но на губах играла упрямая

улыбка. Металлическая кассета в чреве моего верного Никона хранила самый ценный трофей этой осени.

Впереди, сквозь промозглый ночной туман, приветливо светилась красная буква станции метро. Я улыбнулась и зашагала вперед, чувствуя, как внутри разливается сладкий вкус чистой победы.

До своей комнаты в старинном доходном доме на Покровке я добралась к трем часам ночи. Осенняя Москва за окнами дремала под мелкой водяной пылью, мокрые трамвайные рельсы на Чистопрудном бульваре блестели в свете тусклых уличных фонарей, а во дворе старого кирпичного дома стояла благословенная тишина. Парадная встретила меня привычным скрипом разошедшихся деревянных ступеней, запахом сырой штукатурки, старых матрасов и вчерашней квашеной капусты. Я тихо поднялась на третий этаж, стараясь не наступать на скрипучую половицу перед дверью соседа дяди Миши, и отперла массивный замок своей квартиры.

В длинном темном коридоре мерно тикали старые ходики с кукушкой. На кухне тихо капала вода из крана. Я на цыпочках проскользнула в свою комнату, повернула ключ в замке и наконец перевела дух.

Первым делом я щелкнула выключателем настольной лампы и достала из аптечки пузырек с перекисью водорода и бинт. Содранная ладонь горела огнем. Шипящая белая пена яростно щипала рану, вымывая въевшуюся серую бетонную пыль и мазутную копоть. Боль была острой, злой, но она

окончательно прогнала остатки сонливости. Я плотно забинтовала ладонь, стараясь оставить пальцы свободными.

Затем настало время главного ритуала. Я подошла к окну, плотно задернула тяжелый светонепроницаемый черный плед, закрепленный на карнизе канцелярскими зажимами, и щелкнула тумблером красного фонаря над рабочим столом.

Тесная каморка преобразилась в таинственное святилище. В слабом рубиновом свечении ожили ряды стеклянных бутылей с потемневшими аптечными этикетками, пластмассовые кюветы, мерные мензурки, бакелитовые щипцы и тяжелый фотоувеличитель с литой чугунной станиной, оставшийся от отца. В воздухе поплыл резкий, родной с самого раннего детства запах уксусной кислоты, гидрохинона и тиосульфата натрия.

Выключив красный фонарь, я осталась в полной темноте. Действуя пальцами на ощупь, я аккуратно смотала отснятую пленку обратно в кассету, вскрыла металлическую капсулу специальным ключом и зарядила целлулоидную ленту в спираль пластикового проявочного бачка. Закрыв светонепроницаемый бачок, я включила фонарь. Затем наступила очередь химии — точно отмеренные триста миллилитров мелкозернистого проявителя температуры строго в двадцать градусов Цельсия. Отец всегда учил меня — постучи дважды дном бачка о деревянный край стола сразу после заливки проявителя, чтобы сбить микроскопические пузырьки воздуха с поверхности эмульсии. Если этого не сделать,

на негативе останутся крошечные белые точки, паразитные следы пустоты. Я аккуратно постучала бачком, вслушиваясь в глухой деревянный стук, и плавно запустила вращение спирали.

Десять минут размеренного покачивания бачка с плавным вращением запястья каждые тридцать секунд, короткая промывка кислой стоп-ванной и семь минут в крепком фиксаже.

Когда процесс закрепил изображение, я вытащила влажную спираль, размотала полоску негативов и поднесла мокрую целлулоидную ленту прямо к красному стеклу фонаря.

Кадр получился убийственным. Резкий, сочный, без единого смаза, с идеальной проработкой полутонов на зерне серебра. В лучах вспышки лицо Заславского выглядело хищным и беспощадным, его пальцы намертво впивались в запястья Снежаны, а ее леопардовый полушубок сползал по полированному металлу капота. Настоящая бомба замедленного действия для любого столичного издания. Я осторожно повесила длинную ленту сушиться на бельевую веревку над раковиной, закрепив деревянной прищепкой, с чувством выполненного долга рухнула на продавленный диван и моментально провалилась в тяжелый глубокий сон.

О том, что творилось той же ночью на Краснопресненской набережной, я узнала гораздо позже. Но восстановить ту картину по всплывшим деталям, рассказам очевидцев и цитатам из светских чатов оказалось до смешного просто.

Глава 5

Закрытый клуб столичных автогонщиков и золотой молодежи утопал в приглушенном неоновом полумраке. Под толчком висел сизый аромат кубинских сигар и дорогого табака, из скрытых динамиков глухо вибрировал глубокий тяжелый бас, а у мраморной барной стойки звенели хрустальные стаканы с двадцатилетним торфяным скотчем. Здесь собирались сливки столичной тусовки — наследники девелоперских империй, владельцы элитных автосалонов и всегда гдатаи закрытых гоночных трекв.

Тимур Заславский сидел на низком кожаном диване в угловой зоне для особых гостей. Его песочная замшевая куртка была небрежно брошена рядом на спинку, а на белоснежном кашемировом джемпере темнело несмываемое вишневое пятно помады. Тимур морщился от тупой ноющей боли и прижимал к горящим векам льняную салфетку со сколотым льдом. Сетчатку его глаз терзало пульсирующее слепое пятно, вспыхивающее ядовито-лиловыми кругами при каждом резком движении головы.

Напротив него, развалившись в глубоком кожаном кресле с толстостенным бокалом в руке, сидел Руслан — его давний приятель и вечный соперник по треку. Они соревновались еще со студенческих времен, меряясь лошадиными силами, суммами ресторанных счетов и вниманием светских красавиц.

виц. Руслан поглядывал на главное сокровище клуба, то и дело поворачивая бокал в его сторону. На вращающемся стеклянном подиуме посреди зала сиял полированным карбоном и алым лаком коллекционный итальянский спортбайк Дука-ти Панигале V4 мощностью в двести четырнадцать лошадиных сил. Этот мотоцикл принадлежал Тимуру и был предметом зависти всей столичной тусовки. Руслан давно уговаривал его поставить байк на кон.

Руслан смаковал скотч и откровенно издевался над приятелем, растягивая слова с сытым высокомерием.
— Что, Заславский, получил прозрение от собственной

славы? — тянул он с ядовитой усмешкой. — Говорят, какая-то оборванка с раритетным фотоаппаратом щелкнула, как ты ломаешь руки дочке чиновника прямо на капоте, а потом выжгла тебе зенки вспышкой в упор и ушла через дыру в заборе? Ты представляешь, что сделает папаша Снежаны, если эти кадры завтра всплывут в новостных лентах? Он отзовет все городские согласования на открытие твоего флагманского заведения на Патриарших. Тебе даже киоск с пирожками у вокзала открыть не позволят.

Тимур со злостью швырнул мокрую салфетку на хрустальный столик.

— Заткнись, Руслан. Она никуда их не сольет. Я найду эту девку до обеда и выкуплю пленку со всеми потрохами.

Руслан подался вперед, прищулив глаза с азартом голодного волка.

— Да брось ты сказки травить. Ты привык, что бабы прыгают к тебе в постель за поездку по набережной и коктейль с оливкой. Спорим на твой Дукати Панигале В4 против моего купе, что ты эту гордую пигалицу не заставишь добровольно сжечь негативы и не затащишь к себе в спальню за тридцать дней? Если через месяц девчонка не будет твоей и не отдаст пленку собственными руками, твой мотоцикл переходит ко мне. Если сделаешь ее, забираешь мое купе.

В груди Тимура вскипела гремучая смесь уязвленного самлюбия, мужского азарта и желания оставить Руслана без любимой машины. Отказаться от вызова на глазах у полу-

сотни свидетелей значило признать себя побежденным слабаком.

— Месяц. Ровно тридцать дней, — отчеканил Заславский, глядя противнику прямо в глаза. — Ты лично отдашь мне документы на свое купе.

Они с размаху ударили по рукам. Сухой хлопок ладоней скрепил условия сделки. Свидетели вокруг одобрительно загудели, чокаясь бокалами. Прямо из клуба Тимур поднял свои связи в столичных фотосообществах, разослав приметы пленочного механического Никона и дерзкой девчонки с темным каре. К пяти утра знакомый владелец фотомагазина прислал ему имя и адрес — Кира, коммуналка старинного доходного дома на Покровке.

Пока они делили чужой мотоцикл и мою судьбу, я спала мертвым сном под теплым ватным одеялом.

А в девять часов утра субботы покой нашей квартиры был разрушен.

На коммунальной кухне нашего дома утро никогда не начиналось мирно. Четыре массивные газовые плиты на двенадцать конфорок непрерывно шипели синими венчиками пламени, в медных тазах булькало белье, а соседка из пятой комнаты громко выясняла отношения со своим радикулитом. Я любила этот дом за его неистребимую подлинность. Здесь никто не носил светских масок и не притворялся миллионером. Любые споры решались громким криком через весь коридор или порцией свежего пирога.

На нашей огромной кухне уже вовсю кипела жизнь. Шипело масло на сковородках, свистел старый закопченный чайник дяди Миши, а в воздухе клубился плотный дух жареного лука и крепкого стирального порошка. Я только успела натянуть свой любимый растянутый серый свитер крупной вязки поверх полинявших джинсов и надеть теплые шерстяные носки. В коридоре раздались гулкие шаги на лестничной клетке, а затем старинный электрический звонок над входной дверью затрещал три раза подряд с властной настойчивостью.

Старинная парадная дома на Покровке встретила Тимура Заславского всем великолепием советского коммунального быта. На нем было безупречное кашемировое пальто песочного оттенка за полмиллиона рублей, тонкий молочный джемпер и ослепительно белые кеды. Из кармана пальто торчал край плотного белого конверта.

Ступени скрипели под его ногами, со стен свисали лохмотья облупившейся зеленой масляной краски, в воздухе стоял густой аромат жареного лука, старых сундуков, кошачьей шерсти и мокрой хлорки. У порога Тимур переступил через ржавый детский трехколесный велосипед. Над кнопкой, которую он только что нажал, желтела бумажка: «Кира — три звонка».

Дверь распахнулась с пугающей скоростью.

На пороге выросла монументальная фигура тети Клавы — бессменного коменданта и генералиссимуса нашего коридо-

ра. На ней был байковый халат необъятных размеров с узором в мелкий синий горох, войлочные шлепанцы и пластмассовые бигуди на седых кудрях. В левой руке тетя Клава держала эмалированное ведро с мыльной жижей, а в правой сжимала половую тряпку, источавшую ядреный дух хлорки.

Она смерила лощеного гостя взглядом сердитого таможенника, уперев кулак в бок.

— Это еще кто такой заявился в белых штиблетах прямо по моему свежевывытому полу? — командным басом гаркнула она на весь подъезд. — Ты из какого театра сбежал, красавчик?

Заславский опешил, явно не привыкший к подобному приему.

— Мне нужна Кира, — сдержанно выдавил он, пытаясь сохранить лицо.

— Ишь ты, барин выискался, — не унималась тетя Клава, угрожающе помахивая мыльной тряпкой у самых носков его белоснежных кед. — В таких белых тапочках только в гробу лежать или по телевизору плясать, а он по мокрому ноябрьскому подъезду шастает. Мать-то твоя в курсе, где ты свои штаны протираешь? Грязищи натащил на три этажа вперед, а мне тут спину гни за всякими прощелыгами!

Заславский брезгливо отступил на полшага назад, спасая кашемировое пальто от серых мыльных брызг, но дверной проем оставался намертво перекрыт ее могучими плечами.

Тетя Клава даже не подумала посторониться. Она развер-

нулась в полумрак коридора и закричала во всю мощь своих легких.

— Кирка! Кончай свои химикаты нюхать! К тебе тут жених из телевизора приперся! Рожа сытая, пальто барское, штиблеты начищены, только павлиньего хвоста сзади не хватает!

Я вышла из своей комнаты, зевая и потирая забинтованную ладонь. Волосы стояли торчком, на кончиках пальцев темнели несмываемые пятна от фиксажа, а в руке дымилась эмалированная кружка с крепким черным чаем.

Увидев на пороге Заславского в его шикарном пальто, я замерла, а затем широко и насмешливо улыбнулась.

— Надо же, какие гости без бахил. И как только твой навигатор не взорвался от таких непрестижных координат?

Тимур сделал шаг вперед, демонстративно игнорируя тетю Клаву, и извлек из кармана пальто пухлый белый конверт.

— Хватит паясничать, мелкая, — негромко произнес он, протягивая пачку. — Здесь ровно пятьсот тысяч рублей наличными. За эти деньги ты можешь купить себе десяток новых фотоаппаратов и вагон пленки. Ты отдаешь мне кассету с негативами со вчерашней крыши, уничтожаешь все отпечатки, если успела сделать, и мы навсегда забываем о существовании друг друга.

Я сделала неторопливый глоток обжигающего чая, глядя на пухлый конверт с неприкрытой иронией.

— Пятьсот тысяч? — я усмехнулась, покачав головой. —

Спрячь эту бумагу обратно в свой дизайнерский карман, мажор. И заруби себе на носу раз и навсегда — мой репортаж не продается. Ни за пятьсот тысяч, ни за пять миллионов. А на эти деньги я настоятельно советую тебе нанять хорошего репетитора по манерам и купить новые фары для своего спорткара, раз мои вспышки выжгли тебе последние остатки рассудка. Проваливай отсюда, пока тетя Клава не огрела тебя тряпкой с хлоркой.

Заславский побагровел от бессильной ярости.

— Ты хоть соображаешь, от чего отказываешься, дура?.. Ты пожалеешь об этом уже к вечеру!

Договорить он не успел.

Я взялась за массивную бронзовую ручку и с сокрушительной силой захлопнула вековую дубовую дверь прямо перед его носом. Воздушная волна взметнула полы его дорогого пальто. С громким звоном встал на место тяжелый старинный медный засов, сотрясая массивную дверную коробку.

Тимур Заславский остался стоять на пыльной лестничной площадке в абсолютной тишине, сжимая в руке бесполезный конверт с полумиллионом рублей. Из-за запертой двери доносилось мое веселое насвистывание и одобрительное басовитое хмыканье тети Клавы.

Деньги потерпели сокрушительное поражение. А таймер тридцати дней неумолимо начал свой отсчет.

Глава 6

Утро понедельника пахло мокрым асфальтом, пережженным зерном и сырой штукатуркой Кривоколенного переулка. Дождь мелкой колючей крупой сыпал с низкого серого неба, превращая опавшие тополевые листья в скользкую коричневую кашу под подошвами. Я шла, засунув озябшие пальцы в глубокие карманы потертой кожаной косухи, и на каждом шаге чувствовала знакомую, успокаивающую тяжесть через правое плечо. Механический «Никон ФМ2» в брезентовом армейском кофре глухо поколачивал меня по ребрам. Больше килограмма честной японской латуни, черненой оружейной стали и толстого оптического стекла. Мое единственное верное оружие, мой хлеб и инструмент, который в отличие от людей никогда не пытался казаться чем-то иным.

В субботу этот же самый «Никон» едва не стал причиной грандиозного скандала местного значения.

Перед глазами до сих пор во всех подробностях стояла картина субботнего утра. Старая дубовая дверь нашей коммуналки на Покровке, обшарпанный дверной косяк с тремя врезными замками и Тимур Заславский на лестничной площадке на третьем этаже. Ресторатор года по версии трех глянцевого издания, гроза нелегальных ночных треков и бэловень столичного бомонда явился в наш пропахший су-

шенными грибами и хозяйственным мылом подъезд в безупречном пальто песочного цвета. В руках у него был пухлый белый конверт, туго набитый новенькими пятитысячными купюрами. Он наивно попытался купить пленку со скандальным ночным кадром из Южного порта, где он прижал нетрезвую дочку крупного чиновника к капоту, заломив ей запястья.

Я тогда даже слушать не стала его светские уговоры. Я просто объяснила лощеному мажору точный пеший маршрут в сторону ближайшей канавы и со всего размаха захлопнула перед его породистым носом столетнюю дубовую створку. Грохот стоял такой, что с потолка осыпалась вековая штукатурка, а соседка тетя Клава еще полчаса крестила лестничный пролет трехлитровой банкой с солеными огурцами.

Я была уверена, что Заславский подойдет ко мне свою службу безопасности или попытается натравить участкового через свои связи в мэрии. Но в воскресенье вечером на мой старый рабочий смартфон пришло сухое сообщение с незнакомого номера. Я дважды проверила номер, прежде чем прочесть адрес крошечной кофейни в Кривоколенном и короткую фразу «Понедельник, десять утра. Без охраны и без наличных. Есть разговор по делу».

Колокольчик над дверью кофейни звякнул, обдав меня сухим теплом, густым ароматом свежего эспresso и горячей выпечки с корицей.

Заведение было почти пустым. За дальним угловым столиком у запотевшего панорамного окна сидел Тимур. Пальто висело на спинке венского стула, а сам Заславский остался в тонком темно-сером джемпере из мягкого кашемира. Перед ним стояла крошечная белая чашка с остывшим черным кофе. Второй стул он оставил для меня. Увидев у входа мой мокрый капюшон, Тимур выпрямился; чашку, к которой тянулся, так и оставил на блюде.

Я подошла к столику, не снимая мокрой от дождя куртки, и с громким стуком опустила брезентовый кофр на свободный деревянный стул.

— Здравствуй, Кира. — Он перевел взгляд с кофра на

меня и ногой выдвинул стул напротив. — Садись. Кофе за мой счет, если ты, конечно, не подозреваешь меня в попытке отравить лучший объектив столицы.

— Я предпочитаю пить кофе там, где меня не пытаются купить оптом вместе с потрохами, — отрезала я, усаживаясь напротив и положив обе ладони на край темного лакированного дерева. — Сразу предупреждаю, Заславский. Если ты притащил в этот тихий угол второй конверт с бабками, я вылью эту чашку прямо тебе на дизайнерские штаны. И поверь, затвор моего фотоаппарата щелкнет быстрее, чем ты успеешь позвать официанта на помощь.

Тимур даже бровью не повел. Уголок его губ едва заметно дернулся вверх.

— Никаких конвертов, — он отодвинул чашку в сторону и достал из кожаного портфеля тяжелую синюю папку с золотым тиснением. — Я умею делать выводы из собственных ошибок. Прямой подкуп не сработал. Значит, поговорим на языке, который ты уважаешь. На языке работы.

Он раскрыл папку и развернул ее ко мне. На стол легли три плотных листа официального договора. В шапке красовались полные реквизиты ресторанного холдинга Заславского, внизу четко синела круглая печать и стояла его размашистая подпись перьевыми чернилами.

Я скользнула взглядом по ровным строчкам. Предмет договора — комплексное визуальное сопровождение и репортажная съемка генерального ребрендинга всей сети заведе-

ний перед запуском нового флагманского проекта на Патриарших. Срок — три недели. Полная творческая автономия исполнителя.

А в графе вознаграждения стояла цифра, от которой у меня на секунду перехватило дыхание. Это было больше, чем я зарабатывала за полгода бесконечной журнальной поденщины, мотаясь по ночным митингам, подпольным рок-концертам и пригородным стройкам.

Я медленно подняла глаза на Тимура, изо всех сил стараюсь не выдать охватившего меня изумления.

— Очень красиво напечатано, Заславский. Бумага дорогая, шрифт благородный. Только я в сказки с Чистых прудов не верю примерно с двенадцати лет. Зачем владельцу пафосных заведений нищий репортажный фотограф с механической камерой? У тебя есть целый взвод модных мальчиков, которые снимут твоих официантов с таким количеством компьютерного лоска, что тарелки с супом будут блестеть ярче кремлевских звезд.

Тимур подался вперед, положив предплечья на полированную столешницу. Расстояние между нами сократилось. Я уловила тонкий запах его дорогого парфюма — можжевельник, горький табак и холодный металл.

— Модные мальчики умеют снимать только пластмассу, — сказал он тихо и на удивление твердо. — Мертвые лица, фальшивые улыбки, листья салата, покрытые глицерином ради блеска на обложке. Меня тошнит от этой показу-

хи, Кира. Мои критики и инвесторы сыты ею по горло. Открытие флагмана — это вопрос выживания всего моего бизнеса. Мне нужно показать людям живое сердце ресторана. Настоящее ремесло. Труд, огонь, бешеный ритм, усталость в глазах поваров в двенадцать ночи, когда кухня выдает сотый сложный заказ за смену. Мне нужен твой злой, непричесанный взгляд. Взгляд мастера, который видит суть людей, а не рекламную обертку.

Я слушала его и чувствовала, как внутри привычная циничная броня дает крошечную, едва заметную трещину. Он говорил толково. Он чертовски метко бил именно по моим профессиональным струнам. Но расслабляться перед сытым мажором было смертельно опасно.

— Допустим, — протянула я, методично барабанив пальцами по краю стола. — Допустим на одну минуту, что ты не врешь. Но у меня есть условия, Заславский. И если ты не готов подписаться под каждым из них кровью, можешь завернуть эту синюю папку в трубочку и забрать обратно в свой гараж.

— Излагай, — коротко бросил он, вынимая из кармана тяжелую серебряную ручку.

— Первое, — я загнула палец. — Полный карт-бланш. Никаких пиарщиков за моей спиной, никаких распоряжений службы безопасности и никакого цензурного контроля. Я иду туда, куда считаю нужным. На разгрузку фургонов с мясом в пять утра, в душные моечные цеха, к закопченным

плитам и в подсобки. Если твой шеф-повар покроет матом су-шефа и швырнет горячую сковороду в мойку, этот кадр пойдет в итоговую серию без ретуши. Попробуешь вырезать хоть один негатив через своих юристов — контракт разрывается публично в ту же секунду с выплатой полной неустойки.

Тимур слушал, не моргая. В глубине его темных глаз зажглась опасная, азартная искра.

— Принимается, — ответил он без малейших колебаний. — Шеф Марк порой бывает сущим психом, но на кухне он гений. Если снимешь его ярость честно, ресторанные критики будут аплодировать стоя. Дальше.

— Второе, — я прищурилась, впиваясь взглядом в его породистое лицо. — Никаких цифровых уловок. Я снимаю исключительно на механику и черно-белую пленку тридцать пять миллиметров. Никаких картинок на экранчике через пять секунд после нажатия кнопки. Готовый материал увидишь только тогда, когда он высохнет на прищепках в моей фотолаборатории.

— Годится. Терпеть я умею, хотя на гоночном треке это редко помогает. Что-то еще?

— Самое главное, Заславский, — я выдержала тяжелую паузу, понизив голос так, чтобы каждое слово упало весомо, словно чугунное грузило. — Правило вытянутой руки.

Тимур вопросительно приподнял бровь.

— Мы работаем строго в рамках делового соглашения. Ты — заказчик, я — нанятый фотограф. Никаких ночных звон-

ков не по делу, никаких личных расспросов, никаких мажорных шуточек и попыток включить обаяние светского плейбоя. Если твои руки дернутся ближе, чем на длину вытянутой руки от моей талии, наш разговор окончится мгновенно.

Я выразительно похлопала ладонью по тяжелому брезентовому кофру «Никона».

— Здесь больше килограмма литого металла и стекла. Разобью твою самоуверенную физиономию без малейших колебаний прямо перед твоими инвесторами. Ты меня понял?

Заславский смотрел на меня несколько секунд. В тишине кофейни было слышно только глухое шипение кофемашины за стойкой. Затем он неожиданно улыбнулся. Без светской, дежурной ухмылки, которой он одаривал светских репортерш на приемах, искренне, почти весело, подняв обе раскрытые ладони в шутливом знаке капитуляции.

— Понял, грозный репортер. Дистанцию гарантирую. Руки держу при себе, нос берегу для высокой кухни.

Он пододвинул ко мне ручку.

Я взяла холодный металлический цилиндр, еще раз внимательно пробежала глазами пункты об ответственности сторон и твердой рукой вывела свою подпись на всех трех экземплярах. Чернила легли густо и четко. Дело сделано. Мой годовой запас дорогой пленки и качественной химии был обеспечен.

Я аккуратно спрятала свой экземпляр в рюкзак, застегну-

ла молнию и поднялась со стула, собираясь уйти.

— Куда ты спешишь, Кира? — негромко окликнул меня Тимур, поднимаясь следом и набрасывая пальто на плечи.

— Домой. Мне нужно навести порядок, приготовить свежие растворы, намотать катушки и составить план первой съемки на кухне.

— Отлично. Я иду с тобой.

Глава 7

Я замерла на полпути к выходу, резко развернувшись на каблуках грубых армейских ботинок.

— Что, прости? Ты забыл пункт номер три про дистанцию?

— В договоре есть предварительный просмотр образцов печати, — невозмутимо парировал Тимур, застегивая роговой ряд пуговиц своего пальто. — Мне нужно увидеть твои негативы. Твою лабораторию, образцы зерна и плотность печати. Мы обязаны говорить на одном языке до того, как ты войдешь на кухню к Марку с камерой наперевес. Так что ве-ди, Кира. Посмотрим, в каких условиях рождается твой репортажный реализм.

Мы вышли из кофейни в сырую мглу Кривоколенного переулка. Дождь почти затих, но осенний воздух стал еще холоднее, пробирая сквозь ткань куртки. Я шла быстрым, размашистым шагом, намеренно наступая на мокрые булыжники и края луж, чтобы проверить на прочность его начищенную замшевую обувь. Заславский шагал рядом, засунув руки в карманы пальто, и с поразительной легкостью держал мой темп, даже не глядя под ноги.

— Где твой прославленный спорткар? — бросила я через плечо, сворачивая в сторону Покровки. — Оставил перего-раживать трамвайные пути у Чистых прудов?

— Машина осталась на Мясницкой, — невозмутимо отозвался он, легко перешагивая через кучу прелых тополевых листьев. — В твои дворы на низкой подвеске лучше не соваться. В субботу я еле вывернул мимо ржавого фургона с капустой.

— Это фургон дядюшки Сурена, — хмыкнула я. — Он стоит там с девяносто восьмого года и выполняет функции памятника отечественному автопрому. Местные коты используют его крышу как наблюдательный пункт.

Мы нырнули в низкую чугунную арку старого доходного дома. Под ногами захлюпала разбитая брусчатка, пахнуло сырыми кирпичами, печным шлаком и кошачьим теплом. Наш подъезд встречал редких гостей массивной резной дверью с тугой проволоочной пружиной, которая хлопала так, что звенели стекла на первых этажах.

Внутри царил привычный полумрак. Лепные плафоны на потолке давно лишились хрустальных подвесок, по крашеным панелям цвета казенного больничного коридора вились паутины трещин, а широкие чугунные перила с витыми вензелями были отполированы тысячами ладоней до тусклого свинцового блеска. Мы поднялись по широким каменным ступеням на третий этаж. За каждой обитой дерматином дверью кипела своя жизнь — где-то надрывался старый телевизор, транслируя криминальные хроники, где-то стучали ложками о фаянсовые тарелки, а на третьем этаже жарили мойву так яростно, что перехватывало дыхание.

Я достала из кармана тяжелую связку, выбрала длинный латунный ключ с зазубринами и дважды повернула его в замке коммуналки.

Дверь со скрипом подалась внутрь.

Коридор нашей квартиры напоминал музей забытых вещей за последние полвека. Вдоль стен высились штабеля картонных коробок, перевязанных шпагатом, стояли разошедшиеся венские стулья без сидений, висели ржавые велосипедные рамы и пыльные веники сушеной полыни. Воздух здесь был густым, теплым и насквозь пропитанным запахами жареного лука, старых подшивок «Огонька» и хозяйственного мыла.

Тимур переступил порог, инстинктивно пригнув голову под свисающим с антресолей холщовым мешком со старыми валенками. Он огляделся вокруг с искренним исследовательским интересом, словно городской путешественник, случайно заглянувший в заброшенное поселение древней эпохи.

Но насладиться этнографической экскурсией ему не дали. Из кухни в конце длинного коридора с грохотом распахнулась створка. На линолеум решительным строевым шагом вышла тетя Клава — бессменный комендант нашего коммунального уклада, ветеран ткацкой фабрики и гроза окрестных хулиганов. На ее голове гордо высились синие пластмассовые бигуди толщиной в кулак, поверх фланелевого халата с гигантскими незабудками был повязан клеенчатый фартук, а на ногах шлепали растоптанные войлочные тапки сорок третьего размера.

Она замерла посреди коридора, уперла мощные кулаки в пышные бока и смерила Заславского испепеляющим взглядом.

дом снизу доверху.

— Та-а-ак, — протянула тетя Клава басом, от которого жалобно звякнули граненые стаканы на подвесной полке. — Опять появился, фазан столичный? В субботу тут пальто свое песочное трепал, теперь в чистом свитерке нарисовался? Духами своими заморскими весь коридор до самого санузла просмолил!

Тимур на секунду растерялся, но тут же взял себя в руки, изобразив на лице безупречную светскую вежливость.

— Добрый день, уважаемая. Мы с Кирой исключительно по рабочему вопросу...

— По какому еще вопросу? — перебила тетя Клава, делая тяжелый шаг вперед. — Знаю я ваши вопросы! Один такой с гитарой в восьмидесятом году к Верке со второго этажа ходил, потом всем подъездом алименты через суд выбивали! Стоять на месте!

Она метнулась обратно на кухню и через секунду вынырнула оттуда, победоносно выставив перед собой огромное цинковое ведро, доверху набитое картофельными очистками, капустными кочерыжками, рыбьими хребтами и мятыми консервными банками из-под кильки в томате. Липкая проволоочная дужка ведра угрожающе скрипела.

— Раз явился такой плечистый да в чистых штанах — отработывай право топтать наш линолеум! — скомандовала тетя Клава, суя ведро прямо в грудь ресторатору. — Мусоровоз у ворот через пять минут отчалит. Хватай помои и пулей во

двор! Опоздаешь — высыплю под дверь твоей ненаглядной!

Я прислонилась спиной к дверному косяку своей комнаты и зажала рот обеими ладонями, чувствуя, как меня начинает трясти от беззвучного, дикого смеха.

Тимур Заславский — человек, перед которым распахиwały двери лучших заведений столицы, владелец многомиллионного бизнеса и элитного автопарка — стоял посреди обшарпанного коридора с ведром протухшей селедки в руках. Его брови взлетели на лоб, холеные пальцы машинально сжались на ржавой проволоке. На секунду мне показалось, что он швырнет ведро обратно в кухню и выскажет все, что думает о пролетариате.

Но Заславский удивил меня во второй раз за утро.

Он коротко перевел дух, аккуратно отвел помойное ведро подальше от своих дизайнерских брюк, глянул на меня с ледяной усмешкой и повернул ведро так, чтобы липкая дужка легла на сгиб пальцев. Тетя Клава уже набрала воздуха для следующей команды.

— Куда именно нести, шеф?

— К дальним синим бакам у гаражей! — рывкнула та, явно опешив от такой покладистости. — И крышкой прижми, чтоб вороны кости по двору не растащили!

— Слушаюсь, командир, — не моргнув глазом отозвался Тимур и зашагал к выходу, аккуратно балансируя ведром в узком проходе между сундуками.

Дверь на лестничную клетку захлопнулась. Я сползла по

дверному косяку, давясь слезами от хохота. Тетя Клава подозрительно посмотрела мне вслед, шумно высморкалась в угол вафельного полотенца и буркнула себе под нос —

— Ишь ты... Послушный какой. Небось из интеллигентов, у них совести всегда больше, чем у наших грузчиков.

Через три минуты Тимур вернулся. Пальцы его были аккуратно отставлены в сторону, на лице застыла маска стоического спокойствия. Он молча прошел на коммунальную кухню, открыл ржавый латунный кран над эмалированной раковиной и тщательно вымыл руки куском темно-коричневого хозяйственного мыла, пахнувшего щелочью и березовым дегтем. Тетя Клава молча пододвинула ему чистое вафельное полотенце и одобрительно кивнула. Боевое крещение коммунальным бытом было пройдено на отлично.

— Теперь мы можем перейти к пункту об утверждении стилистики? — спросил Заславский, тщательно вытирая пальцы и бросая на меня многозначительный взгляд.

— За мной, ассистент, — сквозь улыбку ответила я, открывая ключом дверь в свою комнату.

Моя комната была просторной, с лепным пятиметровым потолком и огромным полукруглым окном, выходившим в глухой двор-колодец. Но все пространство внутри было подчинено одной цели — ремеслу светописси. Вдоль стен тянулись стеллажи с тяжелыми альбомами по классической фотографии, коробки с химикатами, ряды металлических бачков для проявки и папки с рабочими негативами.

А в дальнем углу темнела глухая фанерная дверь бывшей совмещенной ванной комнаты, давно выведенной из общего коммунального пользования. Моя личная крепость. Моя темная комната.

— Заходи, — сказала я, пропуская Тимура внутрь. — И сними пальто, иначе пропахнешь закрепителем на три недели вперед.

Тимур сбросил пальто на старое кресло у входа и шагнул за мной в тесное пространство лаборатории. Здесь было не больше пяти квадратных метров. Чугунную ванну заменял массивный дубовый верстак, на котором ровным строем стояли три широкие эмалированные кюветы, сушильный шкаф и тяжелый увеличитель «Крокус» с черной матовой штангой. Под потолком на проволочных растяжках покачивались бельевые веревки с деревянными прищепками, на которых сушились вчерашние пробы.

Я плотно захлопнула дверь, повернула тяжелую чугунную щеколду и щелкнула тумблером на стене.

Обычный свет погас.

Комнату мгновенно затопил густой, глубокий, рубиново-красный свет специального лабораторного фонаря.

Пространство сразу сжалось, потеряв привычные углы и границы. Красный полумрак лег на стены, на эмалированные ванночки, на влажный блеск капель на старом кафеле. В воздухе тяжело и плотно повис знакомый, родной для меня химический дух — терпкая кислота уксусной стоп-ванны,

сладковатый тяжелый привкус гипосульфита натрия и запах сырой баритовой бумаги.

Тимур сделал шаг вперед и тут же глухо задел макушкой веревку с сохнувшими тестовыми полосками. Бумажные квадраты зашуршали, осыпав его плечи каплями дистиллированной воды.

— Осторожнее, великан, — шепнула я, протискиваясь мимо него к рабочему столу.

Мы оказались зажаты между верстаком и холодной кафельной стеной плечом к плечу. Места было так мало, что я физически чувствовала тепло, исходящее от его тела сквозь ткань свитера. В темноте его глаза казались абсолютно черными омутами, а в рубиновом свете фонаря резкие черты лица — высокие скулы, прямой нос и упрямый подбородок — приобрели почти скульптурную четкость.

— Здесь пахнет так, словно тут производят уксусную эссенцию для засолки капусты в промышленных масштабах, — тихо заметил Тимур. Его голос в замкнутом пространстве звучал непривычно низко, с хриплыми бархатными нотками.

— Это запах настоящего ремесла, Заславский. Терпи. Сейчас ты увидишь, за что собираешься платить мне круглую сумму.

Я достала из светонепроницаемой черной пачки лист свежей баритовой фотобумаги, аккуратно уложила его под рамку кадрирующего столика увеличителя и включила реле времени. Щелчок. Лампа увеличителя вспыхнула ровно на две-

надцать секунд, проецируя через объектив один из гоночных негативов из Южного порта — то самое спортивное купе в облаках сизого дыма, скользящее в миллиметре от бетонного отбойника.

Свет погас. Бумага оставалась абсолютно белой, обманчиво пустой.

Глава 8

Я взяла с полочки тяжелые черные бакелитовые щипцы с рифлеными концами и вложила их в ладонь Тимура.

— Держи.

— Зачем? — он с недоумением посмотрел на инструмент.

— Ты же хотел утверждать стилистику лично? Вот и работай руками. Бери лист за правый уголок и опускай в первую кювету. Эмульсией вверх. Быстро, одним плавным движением, чтобы проявитель накрыл всю поверхность листа одновременно.

Тимур осторожно зацепил край бумаги щипцами. Пальцы его были заметно напряжены. Он попытался опустить лист, но край зацепился за бортик ванночки, и бумага пошла неровной волной.

— Нет, не так, все испортишь! — зашипела я, не сдержавшись.

Я шагнула к нему вплотную, вставая сзади и справа, и накрыла его пальцы своей рукой. Моя ладонь была ледяной от воды, его пальцы — горячими, твердыми и сухими. Я сжала его кисть, заставляя расслабить хватку, выровняла щипцы и вместе с ним погрузила лист в темную, прозрачную гладь проявителя.

— Вот так, — шепнула я ему почти в самое ухо, чувствуя, как прядь моих волос коснулась его щеки. — Теперь плав-

но покачивай ванночку за края. Без резких толчков. Волна должна ходить ровно. Считай про себя — раз, два, три...

Тимур не отвечал. Он застыл, не шевелясь, слушая мой голос. Я чувствовала, как под моей ладонью тяжело и часто бьется тугой пульс на его запястье. Его плечо касалось моего, а дыхание стало прерывистым и глубоким.

И в этот момент в растворе проявителя началось таинство.

Сквозь мутную белизну бумаги начали медленно, словно из ниоткуда, проступать темные тени. Сначала едва заметные серые разводы, затем четкие контуры колесных арок, хищный оскал решетки радиатора, бешено крутящиеся дис-

ки и застывшие клубы ядовитого дыма. Кадр оживал на глазах. Контраст нарастал с каждой секундой, превращая плоский лист в застывшую вспышку дикой скорости и адреналина.

Тимур подался вперед, не отрывая взгляда от кюветы. Его насмешливое выражение лица исчезло без следа. В рубиновом свете я увидела в его глазах детский, немой, благоговейный восторг.

— Черт возьми... — выдохнул он еле слышно. — Кира, это же... это невероятно. На телефоне или мониторе ты просто нажимаешь кнопку, и цветные точки встают на место. А здесь... ты словно вытаскиваешь мгновение из небытия собственными руками.

— Это химия и кристаллы серебра, мажор, — ответила я, но мой голос предательски дрогнул. Я забыла убрать свою руку с его запястья. Тепло его кожи просачивалось сквозь пальцы, поднимаясь горячей волной к плечу и груди. — Эмульсия помнит каждый фотон света, упавший на нее три дня назад.

— Это живое, — упрямо повторил он, медленно поворачивая голову ко мне.

Наши лица оказались на расстоянии короткой ладони.

Щипцы в его руке накренились, и край листа всплыл из раствора. Я все еще держала его за запястье, глядя в расширенные зрачки с рубиновыми огоньками. Его губы были так близко, что я чувствовала тепло его дыхания.

Внутри у меня что-то сладко и тревожно оборвалось. Колени на мгновение ослабли, по коже пробежал электрический ток, заставивший затаить дыхание. Он смотрел на меня так, словно видел впервые. В его взгляде больше не было насмешливого превосходства — передо мной стоял мужчина, ошеломленный женщиной, способной перевернуть его жизнь вверх дном.

— Кира... — хрипло произнес он, и его свободная рука медленно поднялась, коснувшись моего плеча.

Секунда растянулась в целую вечность.

— Пора в промывку, — сдавленно выдохнула я, судорожно сглатывая сухой ком в горле.

Я перехватила щипцы и перевела лист в стоп-ванну. Пока шла выдержка, мы оба смотрели только на бумагу. Потом пришла очередь фиксажа; отмерив положенное время, я перенесла снимок в промывочную кювету. Мои движения были резкими, почти паническими. Тимур машинально потянулся за мной, желая помочь, и опустил пальцы в воду последней ванночки, чтобы придержать всплывающий угол бумаги.

Я отложила щипцы и тоже потянулась поправить лист. Наши ладони столкнулись под холодной водой.

Пальцы переплелись на скользком дне кюветы. Мокрая кожа обожгла холодом и огнем одновременно. Нас обоих буквально подбросило от этого касания, словно через воду пропустили разряд тока из оголенного провода.

Я резко отдернула руку, подняв сноп брызг, окативших кафель и его свитер, и сделала два быстрых шага назад, упершись поясницей в стеллаж с химикатами.

— Все! — выдохнула я, хватая грубое вафельное полотенце и лихорадочно вытирая мокрые руки. Голос предательски дрожал, сердце колотилось где-то в гортани. — Снимок зафиксирован. Пункт номер три, Заславский. Дистанция вытянутой руки. Ты забыл?

Тимур остался стоять у верстака. Его мокрая рука медленно опустилась вдоль тела. Он тяжело перевел дыхание, глядя на меня через рубиновый полумрак. На его лице больше не было и следа светской надменности. Он выглядел ошеломленным, растерянным и до странности живым.

— Не забыл, — тихо сказал он, и уголок его губ дрогнул в кривой, виноватой усмешке. — Закрепитель смывает все лишнее, да?

— Именно, — отрезала я, пытаюсь вернуть привычную язвительную интонацию, хотя щеки под кожей пылали так, словно я простояла час у раскаленной печи. — Он оставляет только то, что должно остаться навсегда. А теперь пошли на воздух. Для твоей террасы мне нужны вечерние натурные кадры на открытом пространстве. Здесь мне дышать нечем.

К четверем часам дня Москва окончательно утонула в свинцовых холодных сумерках. Низкое предгрозовое небо нависало над темной рябью реки, а порывистый ветер с гранитных набережных гнал вдоль чугунных оград сухие листья

и обрывки газет.

Мы выехали к Крымскому мосту на его черном матовом купе. Машина двигалась по набережной с низким, сытым урчанием многолитрового мотора, привлекая жадные взгляды из соседних рядов, но внутри салона пахло дорогой кожей, теплый воздух от печки отогревал мои колени. Заславский вел спорткар с той пугающей, естественной небрежностью, с какой профессиональные музыканты перебирают клавиши рояля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.